

Александр Чумиков

Александр Чумиков – журналист и писатель, академический учёный и университетский профессор, альпинист и путешественник. Генеральный директор PR-агентства «Международный пресс-клуб». Доктор политических наук, автор более 40 учебников и монографий по проблематике коммуникационных технологий.

В художественно-документальной прозе дебютировал в 2008 году с мемуарной книгой «Записки Профессии (1991–2007)». В журнале «Берега» в 2016–2019 годах опубликовал повести «Москва-400», «Кам-са-мол!», «90-е»; в 2020-м – роман «Непал». Эти произведения вышли затем отдельными книгами в издательствах «Питер» и «АСТ». Повесть «90-е. Александр и другие» удостоена Национальной литературной премии «Серебряное перо Руси».

ЗАПИСКИ ПРОФЕССИОНАЛА 2008–2024

Окончание. Начало в № 6-2023, № 1 и 2-2024

Часть IV

Заблуждаются не потому, что не знают.
А потому что думают, что знают.

Жан-Жак Руссо.

*Рассуждение о начале и основании
неравенства между людьми, 1754 г.*

2020

Иняз: в кругу третьем. Революция

Нашу жизнь сопровождает фраза: «В одну и ту же реку нельзя войти дважды». Она давно стала мемом и глубокомысленно проносится в дело и не в дело. Но если эту мысль, принадлежащую древнегреческому философу Гераклиту Эфесскому, прочитать до конца, то смысл проявится ровно противоположный: можно войти в одну реку и дважды, и трижды, и сколько угодно раз. Потому что, с одной стороны, и река, и вообще всё вокруг течёт и меняется; а с другой, по Гераклиту, – «быстрота и скорость обмена рассеивает и снова собирает».

В 2020-м я в третий раз вошёл в Иняз имени Мориса Тореза (это по-старому), политика и лидера французских коммунистов в XX веке. Ныне вуз носит имя Московского государственного лингвистического университета (МГЛУ). Он широко известен как ведущее в стране высшее учебное заведение с изучением иностранных языков, готовящий специалистов, и просто знающих два-три языка, и профессиональных переводчиков. МГЛУ гораздо менее известен как вуз, где преподавателями работали и продолжают трудиться люди определённого статуса. Например, немецкий язык здесь преподавал в 30-е годы прошлого века швейцарский социал-демократ Фридрих Платтен. Это тот самый человек, который весной 1917-го добился пропуска «пломбированного поезда» с В. И. Лениным из Швейцарии через немецкую территорию в Россию; а в 1918-м, при первом покушении на вожда революции, ехал с ним в одной машине и прикрыл от пули. Ну а дипломатов в ранге послов и даже прежних разведчиков-нелегалов здесь перебивало довольно много. Эта страница пока не раскрыта подробно.

Мой первый вход в Иняз случился в 1983-м, когда я поступил сюда на вечерний двухгодичный факультет языковой подготовки специалистов неязыкового профиля. Второй – уже в начале 2010-х: МГЛУ по поручению компетентных государственных структур объявил тендер на организацию все-российского конкурса «Журналисты против террора», а мой Международный пресс-клуб его выиграл и проводил. «Третье пришествие» произошло в 2020-м и вроде бы случайно. Но если исходить из «рассеивает и снова собирает», то совсем нет.

За несколько лет до судьбоносного свершения я познакомился с Эдуардом Шульцем. Выпускник истфака МГУ, политехнолог, государственный служащий, преподаватель, он ходил примерно по тем же «коридорам жизни», что и я. На каком-то этапе получил предложение возглавить кафедру в МГЛУ, начал формировать группу единомышленников и пригласил меня на должность профессора. Такие предложения, включая и заведование PR-кафедрами престижных университетов, я регулярно получал последние четверть века, но неизменно отказывался. Даже на факультете госуправления МГУ, о котором упоминал, я работал только на полставки. И тут вдруг согласился на полную. Почему?

Потому что созрел. Занятие бизнесом, требующее немалых не столько творческих, сколько менеджерских затрат, стало надоедать, захотелось перейти к чему-то более глубокому и предсказуемому. К тому же кафедра непростая. В ней соединились функции двух прежних кафедр – связей с общественностью и журналистики, в результате чего образовалась одна общая кафедра коммуникационных технологий. Я ведь всю жизнь метался между пиаром и журналистикой. И вот оно, соединилось! Важным, а может, и главным фактором стало отсутствие – не в Инязе вообще, а для меня – иерархической системы «начальник – подчинённый». Формально она, разумеется, существовала в виде ректора, проректора, декана, да и того же завкафедрой. А по факту – нет: руководители МГЛУ верхнего уровня, преимущественно языковые специалисты, в наши творческие дела не влезали, а Э. Шульц был не начальником, а скорее партнёром. И мы начали... революцию. Применительно к вузам она обычно предполагает кадровые перестановки, они имели место и здесь. Но в принципе сосредоточились мы на другом: замахнулись, как в культовом фильме «Берегись автомобиля», на «Вильяма нашего, так сказать, Шекспира», то есть на переосмысление термина и сути PR как таковых.

В конце концов, и книга-то наша про PR, но что это такое в теоретическом значении, подробно в ней до сего момента не анализировалось. Вот и пришло время разобраться – сейчас в книге, а тогда, в 2020-м и позже – в жизни. Ну и давайте. Последующие умствования будут, возможно, не такими занимательными и весёлыми, как раньше, но уж потерпите.

В XX–XXI веках в различных странах мира, включая Россию, изданы многие сотни научных монографий, учебников, публицистических опусов на тему истории, определения и сущности PR («public relations» – связей с общественностью). Диапазон подобных исследований простирается от поиска персоны, впервые употребившей искомый термин, до времени возникновения самого явления, его трактовки и, наконец, сознательного и комплексного использования PR-технологий. «Папой» пиара сегодня иногда называют, в шутку и всерьёз, и меня самого. Помните «Кавказскую пленницу»?

– А что, церковь разрушил тоже я?

– Нет, это до вас, в XV веке...

Так и в нашем случае. Например, мой товарищ и соавтор, профессор Михаил Бочаров, определил «отцом PR» Иисуса Христа. Но я больше склонен именовать этим титулом американского исследователя и практика XX века Эдварда Бернейса. Он первым сделал подробный обзор существовавших к началу его деятельности наработок по связанной с PR проблематике, отследил возникновение и развитие образовательных PR-программ и задал тон обсуждению их содержательной концепции.

При этом Э. Бернейс вовсе не изобретал пиар, а также не настаивал на употреблении двухбуквенного термина. Он воспринимал «public relations» как некоторое условное наименование и занимался поисками его актуального эквивалента. Действительно: люди тысячелетиями общались между собой без всяких специальных трактовок данного процесса. Зачем же выдумывать их теперь? Но выдумать всё же надо. Для порядка.

В книге «Propaganda» Э. Бернейс называет PR «новой пропагандой», понимая её как активную и позитивную деятельность, необходимую для одобрения общественностью любого значимого начинания. Как именует исследователь пропагандиста? Очень любопытно – «независимым кукловодом»!

– «Завеса таинственности окружает суть и функции профессии консультанта по связям с общественностью», – пишет Э. Бернейс. И добавляет, что термины и названия должностей, которые этим занимаются, зачастую бывают весьма размытыми. Поиск одинаково понимаемого всеми значения очень труден.

И вот в начале 1990-х слово PR «прибыло» в новую Россию. За него ухватились как за мифологическую технологию, способную «решать вопросы» буквально во всех сферах. Через тридцать лет пришло время от этого мифа избавиться, чем мы и занялись. Однако «зачеркнуть» – одно дело. Другое – чем заменить. Построение гармоничных отношений? Имиджмейкинг? Пиарология? Производство информационного повода? Бесплатное размещение материалов? Вроде всё это уже проходили...

Но появился и увеличивался набор определений не то чтобы новых, но в чём-то похожих друг на друга, всё шире применяемых в мире и выводящих на общий эквивалент: коммуникационный менеджмент, интегрированные коммуникации, коммуникационное сообщество, коммуникационное образование, коммуникационная профессия, коммуникационный сектор. Думается, объединяющее слово угадывается без пояснений – *коммуникации*.

Важно учесть и такой зафиксированный на государственном уровне тренд, как сближение и переплетение PR и журналистики: в последние годы для вузов утверждены федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС) «Медиакоммуникации» и «Медиакоммуникации и журналистика».

Но есть коммуникации спонтанные, а есть организованные. Вот и «тост родился сам собой»: вместо мифических букв PR просится конкретное словосочетание «управление коммуникациями» («communications management»).

Идём дальше. Какими содержательными компонентами насытить это понятие? Они, в общем-то, существуют, но сильно бюрократически «размазаны» по этим самым ФГОС. Структурируем оптимально и получаем контентный блок «универсальные профессиональные компетенции», состоящий из шести тематических предметных групп: 1. Исследования и аналитика. 2. Планирование коммуникаций. 3. Коммуникационные каналы. 4. Производство контента. 5. Продвижение коммуникационных продуктов. 6. Структуры и специалисты.

Обсуждаем, корректируем и сознаём, что сообщество такую классификацию вроде бы понимает и принимает. Однако поднимается и новый вопрос: разве эти компетенции действуют всегда одинаково? Конечно, нет! И вслед за *универсальным контентом* прописываем *ситуативные контексты*.

Вновь обратившись к наследию Э. Бернейса, мы увидим его внимание и к этой теме вместе с резюме о том, что «место связей с общественностью в учебных программах колледжей и университетов по-прежнему остаётся под вопросом. Иногда PR делают частью журналистики, иногда – бизнеса, экономики, политики или государственного управления». «Мозаика» описанных Э. Бернейсом предназначений PR-консультанта завершается тем, что он ещё и «продажник». Причём продавать, по Э. Бернейсу и в реальности, можно не только предметы потребления, но и образ жизни.

Этот поток рассуждений можно «заковать» в структурированную систему. Известно, что в каждой стране глобальные коммуникационные контексты заключаются в особенностях взаимодействия ключевых субъектов социума: государства (G – government), бизнеса (B – business) и неправительственных организаций, включая отдельных граждан (C – citizen).

Простая арифметическая операция позволяет понять, что их минимальная сумма контекстов включит в себя девять вариаций такого взаимодействия: государственные коммуникации (G2C, G2B, G2G), бизнес-коммуникации (B2C, B2G, B2B), социальные коммуникации (C2G, C2B, C2C), где каждый из контекстов классифицируется по характерным проявлениям. Приняв предложенную типологию за основу, преподаватели и практики смогут расширять её и дальше – как в отраслевом разрезе, так и в функциональном.

Вот вам и теоретический «революционный скелет», требующий наполнения «прикладным мясом». И мы начинаем это «мясо» производить. В виде толстого учебника Александра Чумикова и Михаила Бочарова «Управление коммуникациями». В форме ежегодно проводимых в Инязе совместно с Эдуардом Шульцем международных конференций «Управление коммуникациями» («Communication management – Com-M»), а также «довеска» к ним – всероссийского симпозиума «Коммуникационный вектор – 2021/22/23/24» и так далее. Как пелось в старой песне, «есть у революции начало – нет у революции конца».

В 2020–2021 годах страны мира охватила пандемия коронавируса, унёсшая многие миллионы жизней. В борьбе с ней очень серьёзная роль принадлежала пиарщикам, а коль скоро мы некоторое время назад термин «PR» развенчали, то назовём их специалистами по коммуникациям. Казалось бы, что за роль и зачем она? Действительно: давно выяснено, что, при всём разнообразии старых и уникальности новых вирусов, алгоритм борьбы с ними всегда одинаков. Он предусматривает разработку и применение вакцины в виде внедрения в организм «антигена» – возбудителя инфекции в иммунной системе в безопасной форме, когда препарат не способен вызвать инфекционное заболевание. Введённая вакцина формирует у человека иммунитет против инфекции, в том числе COVID-19. Известно, что прививки в нашей стране и в мире делают с XVIII века. Принято считать, что первую в российской истории прививку, против оспы, получила в 1768 году императрица Екатерина II. То есть к сегодняшнему дню возраст практики вакцинирования составляет два с половиной века.

Однако ровно столько же времени существует и антипрививочное движение, которое в полной мере проявило себя и в 2020-х. Передо мной как аналитиком стояла задача разобраться, за счёт чего такое происходит и почему не работают рациональные аргументы. И я разобрался, а потом доводил собранную информацию до спикеров, ведущих работу с целевыми аудиториями. В любой сложной ситуации, причины которой неизвестны или неочевидны – а это и происходило в случае с COVID-19, общество ждёт восстановления понятной картины окружающего мира. Начинают цениться любые подсказки, ведущие к возникновению поля конспирологии – концепции злонамеренного умысла и действий определённых групп людей. Как писал мой коллега профессор Георгий Почепцов, непонятный мир пугает всех, поскольку теряет предсказуемость, а конспирологическая версия находит «виновника» и упорядочивает хаос для обывателя.

Вспомним 90-е, когда, после развала СССР и снятия системы идеологического контроля, информационное пространство сразу заполнили астрологи, целители и знахари. Мозги советского человека, привыкшего к исключительно рациональной информации, поступающей к нему из немногочисленных и управляемых СМИ, попали под «обстрел» «магов». Например, Алан Чумак в прайм-тайм центрального телевидения «заряжал» воду чудодейственными свойствами, и страна садилась у экрана, обставившись склянками с водой из-под крана, а потом эту воду истоиво пила. Анатолий Кашпировский демонстрировал «чудеса оздоровления» путём шевеления губами и руками. И вместе с этими «волшебниками» в массовое сознание текло всё таинственное и непознанное. Оно не становилось от этого менее туманным, но заполняло информационные пустоты.

Думать, что спустя три десятилетия Россия, да и весь мир стали более «умными» – иллюзия. Так, несколько лет назад в американских медиа появился материал под названием «20 конспирологических теорий». Среди них присутствовали имевшие широкое хождение в обществе версии событий общечеловеческого и странового значения, например:

- Когда-то на Земле жили сверхлюди-гиганты.
- Затерянное государство Атлантида действительно существовало.
- Правительство США замалчивает информацию о контактах президентов Америки с инопланетянами.
- Власти следят за вами через вашу веб-камеру.
- Усама бен Ладен убил Джона Ф. Кеннеди-младшего.
- 11 сентября произошёл контролируемый снос Всемирного торгового центра и др.

Не отстаёт и отечественная конспирология. Исследование компании «Медialogия» 2011–2017 годов показало, что упоминание в СМИ отобранных для анализа популярных среди журналистов и населения теорий заговора выросло за семь лет мониторинга в среднем в 6–9 раз. По сути, эти теории стали легитимной моделью объяснения аудитории всего непонятного и враждебного – от СПИДа до антироссийских санкций. Приведём десять самых рейтинговых тем в порядке их убывания:

- История России сфальсифицирована.
- Существует тайное мировое правительство.
- ВИЧ / СПИД выдуман.
- ГМО-продукты вредны.
- Планетой правят пришельцы / рептилоиды.

- Американцы не были на Луне.
- Прививки крайне опасны.
- Голубое лобби разрушает духовные скрепы России.
- Земля плоская.
- В мире имеет место масонский заговор.

Общественная тревога значительно усилилась с приходом коронавируса. Пандемия в очередной раз продемонстрировала важность моделей определённости для выживания в условиях расцвета глобальных конспирологических версий происхождения COVID-19. «Американцы против китайцев», «Китайцы против американцев», «Билл Гейтс против человечества», «Сионистское оружие Израиля», «Вредоносная технология 5G» – лишь самые распространённые из них.

Но гораздо более опасной являлась так называемая «бытовая» конспирологическая триада: коронавирус не является угрозой, вакцины опасны, защитникам вакцинации нельзя доверять.

Следующая конспирологическая зона – средства борьбы с пандемией. Эту тему продвигали уже не только «кухонные» конспирологи, но и медики; если точнее, то представители альтернативной медицины. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) объявила конспирологические версии «инфодемией», когда реклама рецептов против вируса распространяется широко и бесконтрольно, так же как и сам COVID-19. ВОЗ предупредила о появлении нового вида мошенничества: преступники называют себя представителями этой организации, запрашивают у жертв персональные данные, выдают фейковые рекомендации или вымогают деньги.

В 2020 году интернет-магазин Amazon удалил из своего каталога более миллиона продуктов, характеризующихся как способ вылечить или защитить от коронавируса, а также десятки тысяч медицинских препаратов с завышенной ценой.

В такой обстановке чрезвычайно актуальными стали мягкие просветительские и даже, если хотите, жёсткие пропагандистские действия по налаживанию регулярного и синхронизированного информирования целевых аудиторий о механизмах возникновения опасных ситуаций и возможных мерах по их профилактике. С нейтрализацией попыток оппозиционных групп и псевдоэкспертов подвергнуть эти усилия сомнению. Но поставим и такой вопрос: может ли самая лучшая работа в данном направлении побороть конспирологию? Откровенно ответим, что нет, не может. Но пытаться надо.

На уровне государства присутствовало понимание приоритетных действий: меры экономической поддержки наиболее пострадавших от коронавируса людей и отраслей, контроль актуального поведения в общественных местах, умеренно устрашающие примеры последствий уклонения от прививок вместе с демонстрацией позитивного опыта. На федеральном уровне стартовала акция # Мы вместе, в ходе которой сотни юристов проводили консультации по использованию объявленных правительством мер поддержки. Вышел специальный номер газеты «Комсомольская правда» под шапкой «Дело чести – одолеем вирус вместе!» с рубрикой «Государство поддерживает». Телеканал РБК проводил цикл еженедельных тематических онлайн-трансляций «Виртуальный совет директоров» с предпринимателями и экспертами, где обсуждались действенные меры спасения бизнеса.

Отдельная информационная кампания понадобилась и для разъяснения сути конспирологических версий в виде «простых решений», то есть популистских предложений, не учитывающих экономических последствий их реализации. Так, оппозиция распространила документ «Пять шагов для России», где предложила оказать прямую финансовую помощь гражданам и бизнесу, используя средства Фонда национального благосостояния: выплатить каждому гражданину 20 тыс. рублей и 10 тыс. рублей в месяц на ребёнка, отменить оплату ЖКХ на период карантина, предоставить 2 трлн рублей малому и среднему бизнесу и отменить на год все налоги для малого бизнеса.

В ответ председатель Банка России Эльвира Набиуллина заявила, что это приведёт к резкому росту инфляции: «Представим, что мы как Центральный банк напечатаем деньги и раздадим их по нулевой ставке. К чему это приведёт? Я напомним 1990-е годы. Это приведёт к взрыву инфляции, и людям тяжело будет что-то купить на полученные денежные знаки». Против раздачи денег населению выступил и председатель правления Сбербанка Герман Греф. По его мнению, у российских властей нет такой возможности и поддержку нужно оказывать наиболее пострадавшим гражданам и компаниям.

На нескольких ТВ и интернет-каналах («Воскресный вечер» Владимира Соловьёва, «Вести недели» Дмитрия Киселёва и др.) эксперты оценивали предложение о выплате всем равных сумм как неприемлемое. Говорилось о том, что не нужно платить состоятельным гражданам и тем, кто не

лишился дохода, например бюджетникам. Предлагались адресные выплаты по обоснованным онлайн-заявлениям, где человек мог бы указать свой доход и потерянную сумму. В дальнейшем правительство включило эти предложения в пакет мер при обострении пандемии.

Проблема реализации собственных адекватных антикризисных мероприятий, а не только «пробивания» государственной помощи остро встала и перед коммерческими структурами: думая больше о выживании, нежели о развитии, компании порой забывали о важности сохранения репутации и теряли доверие потребителей, что только усугубляло финансовые последствия кризиса. И наоборот – те, кто продолжал «держать руку на пульсе доверия» и сохранял «человеческое лицо» бизнеса, оказывались в выигрыше.

Я собрал и описал в учебнике «Антикризисные коммуникации» целую коллекцию позитивных кейсов. Скажем, «разрыв шаблонов» продемонстрировала авиакомпания S7 Airlines. В обычный период перевозчик поощряет путешественников за частые передвижения: чем больше летаешь, тем больше бесплатных миль получаешь. Но теперь S7 запустила акцию «Летайте дома». Вот что говорилось на сайте компании:

– Лучшее, что каждый из нас может сделать в борьбе с пандемией сегодня, – это ограничить свои перемещения и оставаться дома. Мы верим, что путешествия снова вернутся в нашу жизнь. Возможно, не сейчас, но позже – обязательно. Мы поддерживаем всех, кто соблюдает карантин, и начисляем мили за каждый день, проведённый дома. Подтверждайте своё присутствие дома нажатием кнопки «Я дома» на этой странице. И каждый день получайте по 100 миль – они пригодятся вам для будущих путешествий...

Если авиакомпании свернули свою деятельность частично, то массовые культурно-зрелищные площадки вынуждены были прекратить её полностью. Например, театры, привыкшие к прямому общению со зрителем через спектакли. Важно было продолжить выполнение своей культурной миссии и помочь людям хотя бы на время забыть о негативе с помощью искусства. Для этого многие театры решили активно включить свои онлайн-ресурсы, выполняющие в обычное время главным образом информационно-рекламную функцию.

Один из моих магистров в РУДН, Северьян Цагарейшвили, проанализировал в выпускной диссертации деятельность шести крупнейших мировых театров. Оказалось, что в период ограничений наиболее активно в Сети проявила себя «Метрополитен-Опера» (Нью-Йорк), каждый день публикующая новый контент. Свои проекты реализовали Большой театр (Москва) и «Ковент Гарден» (Лондон). Для трансляций спектаклей использовались веб-сайты театров, социальные сети и видеохостинги, а также специализированные ресурсы. Например, у Венской оперы работали мобильные приложения в AppStore и GooglePlay, где представлялся полноценный оперный контент.

Спускаясь с театральных высот на землю, зафиксируем опыт антикризисных коммуникаций и другого плана. По мере снятия карантинных ограничений к работе возвращались предприятия сферы обслуживания. При этом многие их владельцы столкнулись с серьёзным уменьшением числа клиентов по сравнению с докризисным периодом: люди стали внимательнее относиться к условиям гигиенической безопасности в ресторане, кафе, салоне красоты. В такой ситуации наиболее дальновидные бизнесмены сосредоточились не столько на продвижении перечня услуг, сколько на «доверительной» рекламе, демонстрирующей и гарантирующей безопасность предоставляемого сервиса.

Любой кризис – это, конечно, беда: экономический ущерб, потери человеческих жизней, плохое психологическое самочувствие. Сколько вокруг полегло народу – друзей, коллег, знакомых... Но столь же ясно, что чрезвычайная ситуация стимулирует инновационные и быстрые решения и в конечном счёте способствует ускоренному развитию. Вряд ли кто-то будет спорить с тем, что университеты в кратчайшие сроки освоили и наладили методы дистанционного образования, повысили компьютерную грамотность преподавателей. С другой стороны, этот двухлетний «дистант» порядком надоел. Сначала мы с энтузиазмом и даже облегчением (а что, на работу идти не надо) осваивали новые форматы. Потом началась халтура: подключился студент к онлайн-занятию, а сам слушает лишь краем уха и занимается другими делами. А как вам приём вступительных тестов в удалённом режиме? Или текущих экзаменов? А-а-а, то-то и оно.

В общем, преподаватели и студенты были по-человечески рады, когда карантинные ограничения сняли и мы смогли вернуться к нормальному учебному процессу с «живыми» лекциями и семинарами.

Пиарщики бывают разного профиля. Одни работают в государственных структурах, другие – в коммерческих. Одни создают «домашнее агентство», чтобы обслуживать одну организацию, другие – окучивают целую отрасль. Отдельную категорию составляют политтехнологи. Но есть специалисты «всеядные», изъясняющие себя во многих сферах. Сам я, конечно, отношусь к последним, к универсалам, то есть и к политтехнологам тоже. Вспомним, как ярко рассказывалось о политических кампаниях 1990-х – начала 2000-х в первой части «Записок»!

Что же случилось дальше, куда они исчезли? А произошло следующее. В революционный, переходный период жизни любой страны наблюдается «апофеоз демократии», когда деньги и креатив действительно способны, как говаривал незабвенный Владимир Вольфович, «страуса сделать президентом Австралии». На выборах 90-х пиарщики сколачивали капиталы. Да-да, избиратель нищал, а политтехнологи богатели. Не скрою, что и меня эти бюджеты, во многом «левые», не обошли стороной.

В дальнейшем, как это и должно быть, ситуация упорядочилась. Появились партии и кандидаты, поддерживаемые государством, а остальные, оппозиционные, хоть и боролись с административным ресурсом, но тратились на эту борьбу очень умеренно. В воздухе витала фраза: «Вот, бывало... А теперь на политкампаниях особо не заработаешь». Тем не менее выборные марафоны проводились с положенной регулярностью, но с иной спецификой. Я, честно говоря, к участию в них не стремился, а скорее уклонялся. Но как-то раз... В этом месте приготовьтесь послушать, надеюсь, занимательную историю «космического масштаба».

Мои предки по линии матери, Раисы Николаевны Чумиковой, жили в селе Казеевка Наровчатского района Пензенской области. Мать окончила в нём семилетку, потом – педучилище в Нижнем Ломове той же области, ну а дальше вышла замуж и уехала в Москву, где получила высшее образование и работала учителем русского языка и литературы. Однако деревню мы не бросили. Некоторое время там продолжала жить бабушка (дед мой, Николай Сергеевич Ухаботин, погиб на войне), а потом мы всей семьёй наезжали сюда для летнего отдыха. Не бросил я деревню и тогда, когда её основные хранители умерли или сильно состарились, посещал накоротке, поддерживал хозяйство, а в 2000-е и вовсе снёс старый дом и построил новый, совсем простой деревянный пятистенник. К тому времени Казеевка, насчитывающая в XIX веке пять больших улиц и около тысячи жителей, сильно уменьшилась – здесь теперь проживало всего несколько десятков людей.

Тем не менее в районе и даже области меня знали, а в Москве причисляли даже к пензенскому землячеству. Земляками-«пензюками» оказались коллеги, с которыми я долго работал в Институте социологии РАН: член-корреспондент РАН Анатолий Дмитриев, профессора Юрий Красин и Владимир Маркин. Время от времени возникали какие-то «земляческие» вопросы, и мы помогали друг другу их решать.

В 2021-м на меня вышел ещё один земляк, адвокат и уроженец Наровчатского района Евгений Балелин, и предложил... поучаствовать в избирательной кампании. Поначалу я отнёсся к предложению скептически и даже немного посмеялся, мол, ну какие нынче кампании... Но потом, когда выяснилась личность нашего кандидата, заинтересовался и дал согласие. Кандидатом в депутаты Государственной Думы был лётчик-космонавт, Герой России, полковник ВВС Александр Самокутяев. Его, военного лётчика и уроженца Пензы, в 2003 году зачислили в отряд космонавтов. В 2011 и 2014 годах он совершил два многодневных полёта с выходом в открытый космос, затем работал заместителем командира отряда космонавтов. В 2017-м возглавил правление «Пензенского землячества», а в 2020-м на довыборах в Государственную Думу VII созыва избран депутатом по Лермонтовскому одномандатному избирательному округу Пензенской области от партии «Справедливая Россия». Теперь, в 2021-м, Александр Михайлович шёл на выборы во второй раз и уже от «Единой России».

Приоткрою немножко политическую кухню современных выборов в Госдуму. На личном и глубоко неофициальном уровне. Известно, что на протяжении нескольких созывов, до выборов 2016 года включительно, в Думе существовал стойкий «квартет» их четырёх фракций-партий: «Единая Россия» (ЕР), КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия» (СР). Депутаты внепартийных списков («одномандатники») от некоторых других партий получили всего несколько мест и какого-либо существенного влияния на думскую деятельность оказывать не могли. Каждая из думских партий имела государ-

ственное финансирование и утверждала списки кандидатов, которых намеревалась поддержать. Часть представителей партии шли как одномандатники-самовыдвиженцы и партией также поддерживались.

И вот представьте себе, что приходит «неутверждённый» уважаемый человек и просит поддержать и его тоже. Либо в определённом регионе у одной из партий кандидат слабый, а у другой – сильный. Тогда начинают работать «договорённости»: например, сторонник ЕР может «по раскладу» пойти по спискам КПРФ и наоборот. Таким образом, иные депутаты Думы побывали поочередно в двух и даже трёх партиях. Кандидаты, не вошедшие с списки, а также попавшие лишь в партийный «лонг-лист», имеют минимальные шансы на победу.

Ситуация вокруг партийного «квартета» в Думе к выборам 2021 года сложилась иная и не совсем понятная навскидку. Во-первых, СР объединилась с двумя другими партиями и получила название «Справедливая Россия – За правду». Во-вторых, муссировался слух, что в этом году в Думу «пропустят» пятую партию – скорее всего, ей станет партия «Новые люди», как впоследствии и случилось.

Наш космонавт задумался, посоветовался и получил «благословение» баллотироваться одномандатником, но при поддержке «ЕР». В случае с этой теоретически и практически государственной партией из такого расклада вытекают вот какие последствия. За тобой закрепляют команду, ответственную за продвижение кандидатов от партии по региону. Команда обеспечивается централизованным бюджетом. Если претендент на депутатское место хочет добавить в кампанию что-то «со своего стола», то это пожалуйста и только приветствуется.

Первым шагом нашей «самостийной» группы поддержки, поскольку привлекались мы на личной, «земляческой» основе, стало знакомство с областью. «Поехали!» – сказал кандидат, как и положено настоящему космонавту. И мы тронулись в путь. Парадокс, но, бывая с детства в Наровчатском районе и «родовом имении» в Казеевке, региона в целом я не знал. Мы – Александр Самокутяев, его помощник Евгений Балелин, руководитель Центра изучения регионов Института социологии РАН Валерий Маркин и я – начали политический тур с отдалённого Бековского района.

Ну, ничего особо интересного, рабочий посёлок с населением около шести тысяч человек. Обычные малоэтажные здания и деревенские дома. Обычный кабинет главы района. На столе – чай, конфетки-мармеладки. «Угощайтесь», – говорит глава. Спасибо, конечно, мы этого всего как будто не видели. Но, вежливо откусав, я, сластёна по природе, почувствовал: а ведь вкусно. Откуда это у вас? Так мы познакомились с глубоко несекретной информацией о том, что в посёлке расположен большой пищекомбинат «Бековские сладости», выпускающий более двух миллионов упаковок зефира, лукума, мармелада, конфет, ириса, щербета каждый месяц. Местные пиарщики придумали для продукции отличный слоган – «Простые сладости для всей семьи». Так что политика политикой, а бековские сласти я и сейчас высматриваю везде; покупал их в Пензе, Самаре и даже в Москве. Ай да Беково, ай да рабочий посёлок!

Пообедать заехали в другой район, Каменский, на базу отдыха «Белая гора». Шикарное место с домиками, купанием, рыбалкой, маленьким зоопарком и прекрасной кухней. Никаких тебе заборов и смежных объектов – природа до горизонта.

В этом же районе посещаем культурно-исторический центр источника «Кувака» и «Музей воды». Обширная и очень интересная природно-технологическая зона, где находится собственно производство знаменитой воды, а также затейливые акции вокруг неё: дегустация просто воды, дегустация воды из разных источников, дегустация лимонадов из этой воды. Здесь же музей воды «Кувака» с прекрасной экспозицией, Кувакская изба с чаем из чудо-воды; купель, куда можно окунуться. Есть кувакская пасека с мёдом, кувакские веники для парной, кувакские зверобой и душица, не говоря уже о кепках, кружках и футболках – всё это можно купить. Кувакский пруд с рыбалкой и готовкой пойманного улова, а нет – там и без рыбы хорошо посидеть на прибрежной лавочке. Смотровые площадки, специальные места для памятной съёмки. На таких объектах можно искренне писать «Сделано для людей».

Следующий заезд – в Белинский район, в знаменитый лермонтовский музей-заповедник «Тарханы». И здесь... впечатления другого рода, можно сказать и про культурный шок. От чего? Оказалось, что на культурном объекте федерального значения отсутствуют современные музейные технологии, новации от Интернета и даже аудиогиды. Здесь нет надписей под экспонатами, а также возле знаковых помещений, где они расположены. Нет стенда или даже плаката с жизнеописанием самого М. Ю. Лермонтова. Нет оборудованных мест для съёмки в узнаваемом «лермонтовском» интерьере.

Что тут имеется: огромная заповедная и, надо признать, ухоженная территория. Но вот на ней...: скромненькая столовая с убогим ассортиментом, один киоск с мороженым и один очень маленький и скудный киоск сувениров. Деньги потратить, простите, не на что.

В Тарханах работают отдельные и весьма своеобразные музеи типа «дом мельника», «дом ключника», «людская». Зачем они здесь? Лермонтова мало?! Впору задать сакральный вопрос: куда смотрит Министерство культуры?! Получается, что федеральный бюджетный музей-заповедник абсолютно неконкурентоспособен в сравнении с частным объектом «Кувака», созданным предпринимателем и владельцем водяного производства Камилем Девликамовым. Были ли здесь руководители музея в Тарханах?! Переполненный противоположными впечатлениями, я выложил их на своей странице «ВКонтакте». И там же получил ответ от областного Министерства культуры. Вот он: «Здравствуйте! Спасибо за комментарий. В Государственном музее-заповеднике “Тарханы” реализуют концепцию “живого музея”. Материальные и нематериальные объекты заповедника представлены в своей естественной исторической и природной среде, их функции поддержаны. Усадьба живёт по законам позапрошлого столетия: сады плодоносят, пруды зарыблены, теплицы выращивают цветы лермонтовского времени...»

Хочется добавить: ну да, вот прошло лето, потом осень, наступила зима, за ней весна – всё естественно, натуральная природная среда.

В своём Наровчатском районе я и сам мог выступить экскурсоводом по местным уникальностям. А их сколько хотите. Вряд ли средний россиянин предполагает, что в Наровчате останавливались дочери Натальи Гончаровой-Пушкиной, во втором браке Ланской. Одна из дочерей была замужем за генералом Иваном Араповым, государственным деятелем и строителем железной дороги в этом регионе. Станция так и называлась – «Арапово». Позже она переименована в «Ковылкино», в честь пламенного одноимённого революционера. А в путевом дворце генерала Арапова сейчас Пушкинский центр имени Натальи Пушкиной-Ланской.

Любопытен и Тюремный замок – аутентичный комплекс зданий без реставрации и реконструкции, так что впечатления посетители получают острые и гнетущие. В камерах замка сидели идущие по этапу декабристы, а во дворе тюрьмы в 1930-е расстреливали священников и других «врагов народа». Агитировать за посещение памятника родившемуся в Наровчате Александру Куприну нет смысла – масштабная композиция со скульптурными образами писателя и его героев достойна украсить любое место не только в сельском райцентре, но и в российской столице. А в пяти километрах от Наровчата расположен восстановленный после разрушений в годы советской власти, а ныне красивый, представительный и действующий Троице-Сканов женский монастырь. В двух километрах отсюда находится Пещерный мужской монастырь.

Это и вправду трехъярусные пещеры с кельями и подземным храмом. Происхождение пещер известно только в виде легенд. Последний монах был убит в них в начале XX века, с тех пор монахи живут в наземных постройках. Монастырь исследовали, частично расчищали и даже водили туда экскурсии. Я и сам приобщился к хождению по тёмным таинственным лабиринтам. Однако к нашему приезду, да и сегодня пещеры закрыты из-за опасности обрушений. Будем надеяться, что когда-нибудь дойдут руки и сюда.

Однако стоп с краеведением! Где же наш космонавт и его избирательная кампания? Да видите ли, какая штука... Как я писал, А. Самокутяева в ЕР утвердили, приставили к нему команду и выделили ей 20-миллионный бюджет. Борьба команде было в принципе не за что, поскольку космонавт для сельского края – это величина, и рейтинг у Александра Михайловича был высоким без всяких кампаний. Но данная констатация отнюдь не отменяет задачу обоснованного «распила» бюджета. Увидев «распилную» смету, мы с Валерием Маркиным, будучи не только политтехнологами, но и профессиональными социологами, долго смеялись. Например, команда планировала провести 34 (тридцать четыре) фокус-группы стоимостью 16 тысяч каждая. Итого 544 тысячи. Но зачем? Фокус-группы вообще-то предназначены главным образом для рассмотрения и корректировки выборных текстов, картинок и других задумок. Но чего их рассматривать, когда и тексты, и макеты спускались сверху? А креатив – пожалуйста, за собственные деньги кандидата.

О прикрепленной команде. Я, конечно, знаю этих ребят поимённо, но называть не буду. Слава богу, в наших политтехнологических «тусовках» сохранилось железное правило: ты можешь критиковать оппонентов своего кандидата, но команду не тронь! Кандидат попадёт в Думу, сменит вид деятельности, уедет, а мы-то останемся и будем продолжать свою работу. Так что ребята как ребята,

не лучше, но и не хуже других, рассказывающих после выборов о своих беспримерных достижениях. Ни одной копеечкой бюджета они с нами не поделились.

Мы, конечно, очень хотели, чтобы всё было не казённо, а красиво. Придумали, например, автомобильный и одновременно культурно-развлекательный пробег по сёлам области в июньский День Святой Троицы, поскольку именно в этот праздник земляки-пензенцы, и местные, и разбросанные по России, собираются вместе на Родине. Космонавт Александр Михайлович идею одобрил, но денег не дал. В декабре его избрали депутатом Госдумы. Удачи космонавту. И нам приятно.

А я поехал в свои Наровчат и Казеевку, где ждали друзья – Александр и Ольга Харитошкины. С самоваром, вареньями, соленьями, картошкой со своего огорода и яичками из-под своих курочек.

Как там поёт Юрий Шевчук?

– Еду я на Родину,

А она мне нравится!

2022

СВО: была ли война неизбежной и когда она закончится

Теперь уже навечно будет высечено в камне и отлито в бронзе: 24 февраля 2022 года началась специальная военная операция (СВО) России на Украине. Будет неправильно проигнорировать её в «Записках». Тогда получится, что события в стране и в мире происходят сами по себе, а профессор Чумиков живёт сам по себе. Но это не так. Я и в СССР, и сегодня остаюсь гражданином своей страны и участвую в её жизни. Другое дело в том, что я могу внести нового или оригинального своим рассказом-откликом на СВО? Однако попытаюсь.

Давайте начнём с системы информационных координат. Кто обладает наиболее полными данными об операции? Это максимум (именно так) один человек – президент России. Да и то с некоторой поправкой: В. Путин получает сведения из *разных* источников, и какой из них оказывает на него наибольшее влияние и затем транслируется лидером государства, мы не знаем. Далее – министр обороны РФ С. Шойгу и начальник Генерального штаба В. Герасимов. И опять поправки: в СВО участвует далеко не только Минобороны. Наконец, любая информация об СВО засекречена, и в открытое пространство выдаются дозированные блоки *актуальной* информации.

Так кого же мы слушаем / читаем ежедневно и ежечасно на ТВ-экранах, сайтах и в социальных сетях? Это в большинстве своём компетентные и уважаемые люди, выполняющие PR-функцию поддержки действий своей страны и её правительства. Но оперативного «экслюзива» у них нет, отсюда их называют «диванными аналитиками». Под этот термин вполне подхожу и я сам. С другой стороны, эксперты обладают в ряде случаев стратегической, глубинной компетентностью, позволяющей взглянуть на многие вещи с нестандартной и перспективной стороны.

Есть ещё «окопная правда», разделяемая на «правду солдат», правду «младшего и старшего офицера», «правду генерала», «правду раненого и пленного» и так далее. Ну и конечно, «правда косметичек и водителей такси», которым «ребята всё рассказали».

В чём же моя правда? В конфликтологической компетентности, которую в общем-то на протяжении последних тридцати лет никто не оспаривает. По теме анализа и управления конфликтами мной написаны кандидатская и докторская диссертации и сотня статей. С помощью этого бэкграунда, обогащённого, само собой, доступными современными данными, я и попробую, в публицистическом стиле, ответить на два сакральных вопроса: была ли СВО неизбежной и когда она закончится.

Американский политолог Ханс Моргентау, основатель школы прагматизма и политического реализма, описал в 60–80-е годы прошлого века два подхода к оценке международной политики. Первый подход предполагает существование политического порядка, основанного на общепризнанных абстрактных «общечеловеческих ценностях». Данный подход учёный называл «идеализмом», основу которого составляет формула «легализма-морализма» (англ. legalism-moralism), где требования законности и положения морали существенно влияют на политику.

Другой подход исходит из того, что несовершенный с рациональной точки зрения мир является результатом столкновения противоположных интересов и стоящих за ними сил. Конфликт интересов неизбежен, а моральные принципы никогда не могут быть реализованы полностью. Они играют роль в международной политике, но не являются её главным фокусом. В лучшем случае к этим принципам

можно приблизиться посредством временного балансирования интересов и неустойчивых соглашений.

Представляется, что современная практика демонстрирует приоритет как раз «другого подхода», то есть нежизнеспособность «морализма» внутри рыночного общества. Декларирование демократических принципов сосуществования становится всё более лицемерным и прикрывающим действия во имя материальной выгоды, включая любые способы устранения или ослабления конкурентов. Но параллельно деградирует и поле «легализма». В политике XXI века это проявилось, например, в том, что на основе «демократической целесообразности», не согласованной с законностью, произошли «цветные революции» в Европе, «арабская весна» на Ближнем Востоке, свержение власти в Ираке и Ливии.

«Исчезновение права», как мы называем данный феномен, наблюдается и в экономической сфере. Так, в третьем десятилетии XXI века «священное право» частной собственности игнорируется при блокировании золотовалютных резервов России, изъятии активов государства и частных лиц в США и других странах Запада. В ответ Россией принимаются ответные меры в виде внедрения рублёвых платежей в международных сделках, параллельного импорта и разрыва лизинговых контрактов.

Вот вам прелюдия к ответу на первый вопрос. Мы так живём, так устроен мир. Столкновения, в том числе военные, неизбежны. Вопрос только в местах и сроках их фиксации.

Разумеется, что военный конфликт при этом наступает не сразу. Во-первых, как считает Куинси Райт, тоже американский исследователь, конфликт в принципе является особенностью отношений между государствами. Во-вторых, эти особенности могут получать различную степень напряжённости, а их динамика проходит через четыре этапа: 1) осознание несоответствий; 2) рост напряжённости; 3) давление без применения военной силы для устранения несоответствий и 4) военное вмешательство или война, имеющие целью продиктовать требуемое решение.

Сначала конфликт пытаются разрешить с помощью *правового*, или *нормативного*, подхода. В качестве примера обратимся к правовому закреплению статуса Украины и России как самостоятельных государств. Напомним, что распад Союза ССР завершился подписанием условно относимых к правовому полю Беловежских соглашений в декабре 1991-го, когда Россия, Беларусь и Украина учредили новый конфедеративный союз бывших советских республик – Содружество Независимых Государств (СНГ). Ещё раньше, в августе 1991-го, Верховный Совет Украинской ССР провозгласил независимость Украины. Аналогичное решение было принято на всеукраинском референдуме в декабре того же года.

Казалось бы, закон торжествует. Однако нет! В 2004-м происходит «оранжевая революция» и «первый майдан», реализованные с отступлением от правовых методов. Под давлением многодневных митингов под оранжевыми флагами Виктор Янукович, формальный победитель президентских выборов и якобы пророссийский политик, вынужден уступить пост своему сопернику Виктору Ющенко. Майдан 2004 года серьёзно расколол население страны, и тогда Украине удалось остановиться лишь в шаге от гражданской войны.

Однако в 2006-м В. Янукович стал премьер-министром Украины, а в 2010-м был избран её президентом. Но к 2013 году назрел очередной конфликт, завершившийся уже не пересмотром итогов выборов, а свержением действующего президента, вынужденного покинуть страну из-за угрозы судебных преследований или даже собственной жизни.

Хотя перечисленные события квалифицировались как внутривнутриполитические конфликты, они происходили при активной и усиливающейся поддержке США. Соблюдая достигнутые договорённости о правовом статусе государств, Россия прямо не вмешивалась в эти события, однако пренебрежение правовыми методами и смена ориентации Украины с дружеской или хотя бы партнёрской по отношению к России на проамериканскую настораживало. Распространение националистической идеологии, ущемление русскоязычного населения в правах вызывало серьёзные опасения и закладывало потенциал для эскалации межгосударственного конфликта.

Россия, равно как и большинство граждан, проживающих на юго-востоке Украины и в Крыму, отказала в признании легитимности нового украинского правительства, пришедшего к власти в результате государственного переворота, констатировала сложившийся на Украине правовой вакуум и поддержала массовые протесты, названные в российских СМИ «Русской весной».

Тем не менее, на наш взгляд, 1991–2014 годы можно обозначить как период использования сторонами преимущественно нормативного подхода к разрешению конфликтов. Однако далее возник целый перечень проблемных ситуаций, прямо затрагивающих интересы России и её сторонников. Начиная с 2014 года в российско-украинских отношениях всё более доминировал такой распространённый способ управления конфликтом, как *метод торга*. Поистине судьбоносный торг разразился вокруг статуса Черноморского флота (ЧФ), имевшего для России стратегическое значение.

В 2010 году президенты России и Украины продлили существовавшие ранее соглашения об аренде базы для ЧФ в Севастополе: первоначально они должны были завершиться в 2017 году, а теперь – в 2042-м, с ежегодной оплатой Россией \$ 100 млн. После майдана и свержения В. Януковича в 2014 году новые власти заявили о намерении денонсировать соглашения по ЧФ. Понятно, что его место предполагалось отдать военно-морским силам США.

Здесь мы подошли ко второй прелюдии к ответу на вопрос, была ли неизбежной СВО. Неизбежным стало присоединение Крыма, но ни больше ни меньше. Отсюда Россия инициировала в марте 2014 года референдум о присоединении Крыма к РФ и прекратила действие всех соглашений о базировании флота на Украине.

Таким образом, внутриукраинский конфликт трансформировался в межгосударственный, а присоединение Крыма и прекращение действия соглашений по ЧФ знаменовали собой как отказ от нормативного (правового) решения конфликтных вопросов, так и невозможность реалистического метода (торга) для разрешения конфликтных ситуаций. С этого момента государствами взят курс на использование *силового* метода разрешения конфликтов. Обычно он используется в ситуациях, когда, при неравенстве сторон, более сильная из них стремится подавить слабую и навязать ей свою волю. Однако ни Россия, ни Украина с поддержкой США и других западных партнёров не считали себя слабыми сторонами и стремились проводить собственную политику.

Развитие конфликта в направлении его силового регулирования лишь подстегнуло дальнейшие события на Украине – провозглашение в апреле 2014 года Донецкой и Луганской народных республик. Украинской стороной эти прецеденты трактовались как восстание против законной власти, а инициаторами независимости – как противодействие «майданному» Киеву, государственному перевороту и ущемлению прав русскоязычного населения.

Другими словами, перспектива открытых военных столкновений между государствами – участниками конфликта становилась в 2014 году всё более очевидной и являлась лишь вопросом времени. Россией оно использовалось для закрепления статус-кво, а Украиной, при поддержке США, – в целях накопления потенциала для силового решения территориальных и других политических проблем.

В конфликтологической науке известна «осевая» модель К. Томаса и Р. Килмана, демонстрирующая пять линий поведения в конфликте: соревнование-конкуренция, избегание-уклонение, приспособление, компромисс и сотрудничество. В период с 2014 по 2022 год Россия пыталась задействовать все перечисленные варианты. Рассмотрим наиболее показательный из них – компромисс, достигнутый между сторонами путём заключения Минских соглашений. В основу Минского протокола («Минск-1»), подписанного в сентябре 2014 года представителями России, Украины, ОБСЕ, ДНР и ЛНР, лёг мирный план президента Украины Петра Порошенко, предусматривающий прекращение огня между Украиной и ДНР и ЛНР, проведение административной реформы, предоставление особого статуса русскому языку и всеобщую амнистию.

Положения минского протокола были документально оформлены в принятом Верховной Радой Украины в сентябре 2014-го законе «Об особом порядке местного самоуправления в отдельных районах Донецкой и Луганской областей». Такой порядок предполагалось ввести только в отдельных районах Донецкой и Луганской областей, при этом ни о какой федерализации Украины, а тем более самостоятельности республик речь не шла. Однако вооружённые силы Украины (ВСУ) по-прежнему обстреливали позиции ополченцев. Договорённости «Минска-1» не выполнялись и по другим пунктам.

В феврале 2015 года лидеры России, Германии, Франции и Украины достигли нового соглашения по вопросу Донбасса («Минск-2»), ставшего правовой основой для мирного урегулирования на Украине. Россия вновь не настаивала на статусе ДНР и ЛНР как самостоятельных республик, а тем более не поднимала вопрос об их признании. Украина, в свою очередь, соглашалась на предоставление этим территориям широкой автономии.

Тем не менее компромиссные Минские соглашения закончились провалом, поскольку Украина затягивала выполнение, не выполняла, а далее напрямую отказывалась от реализации соглашений. Россия прогнозировала подобные действия и, заявляя о приверженности Минским соглашениям, фактически поддерживала ДНР и ЛНР в их стремлении стать самостоятельными государствами.

Компромисс в российско-украинском конфликте означал лишь неустойчивую приостановку остро-го противоборства. Результатом Минских соглашений стали избегание и приспособление как факторы временного снижения остроты конфликта. Перечисленные способы управления конфликтом не означали стремления к его конструктивному регулированию, а ориентировались на получение времени для подготовки потенциала к последующему военному столкновению.

Таким образом, начиная с 2015 года «военные часы» начали отсчитывать уже не отдалённую перспективу боевых действий, а месяцы и дни. Ответ на первый вопрос, о неизбежности войны, однозначен: да, она была неизбежной. И если уж существует сопряжённый вопрос, на который хотелось бы получить внятный ответ, то это «почему не ударили раньше»?

* * *

Теперь к вопросу «когда закончится». Анализ вариантов развития (эскалации) или смягчения (деэскалации) военного конфликта может приобретать форму уравнений с получением конкретных количественных показателей. Эти уравнения в одном случае представляют собой математический расчёт, в другом – носят более гибкий, примерно-ориентировочный характер. Так, модель К. Райта, знаменитого исследователя войн, который «просчитал» десятки военных конфликтов до 60-х годов XX века включительно, предусматривает следующие позиции для анализа:

«N» – национальные интересы, вовлечённые в конфликт; «F» – силы, задействованные в конфликте; «C» – стоимость подготовки и ведения военных действий; «W» – давление мирового общественно-го мнения в пользу мирного решения конфликта; «P» – потенциальные ресурсы сторон; «V» – степень уязвимости в результате прогнозируемых потерь.

Как видно, К. Райт оперирует показателями от близких к безусловным (C, P) до вероятностных (V), не поддающихся чётким количественным оценкам (W), и вовсе субъективных (N). В связи с этим исследователь указывал на существенную условность «математической» ценности своей формулы. Так, к показателю «F» К. Райт относит вооружённые силы, фактически вовлечённые в конфликт или потенциально доступные для сторон. Поскольку такие силы включают военнослужащих всех видов ВС, оборудование и боеприпасы, моральный дух и эффективность использования ресурсов, то, как считает учёный, точное статистическое измерение затруднено или невозможно. Сам же он делает подсчёты на основе вторичных данных и открытой статистики. Показатель «W» К. Райт анализирует на основе результатов опросов общественного мнения, материалов прессы, мнений экспертов. Сходным образом просчитываются и другие позиции.

Однако гуманитарное значение модели К. Райта по оценке возможностей эскалации и деэскалации конфликта имеет смысл рассмотреть подробнее. Наиболее интересным представляется показатель «N» – национальные интересы. Несмотря на виртуальность данного понятия, именно убеждение в том, что национальные интересы ущемлены или поставлены под угрозу, становится в большинстве случаев, по К. Райту, главным поводом для обострения международного конфликта. Значение этих интересов может оцениваться по заявлениям правительства, его поведению при принятии или отклонении компромиссов, политике в отношении других суверенных государств.

Что представляет собой финальная стадия военного конфликта, которая в нашем случае ещё не завершилась? По мнению К. Райта, каждая из сторон подведёт итог потерям, которые они получили в результате столкновения, и сопоставит их с потерями противника. Одна из сторон может остановить открытый конфликт, удовлетворившись уровнем ущерба, нанесённом врагу, и посчитать его достаточной компенсацией за собственные потери. В другом случае понёсшее наибольший ущерб государство сдастся под угрозой собственного уничтожения, что равносильно самоубийству. Однако исследователь допускает вариант и взаимного самоубийства, которое может показаться сторонам конфликта предпочтительнее капитуляции.

Перспективу завершения российско-украинской войны попытался сформулировать, накануне своего столетия, ветеран американской и международной политики Генри Киссинджер. Он говорил о трёх возможных вариантах:

1. Если российские военные останутся на текущих позициях, то они получат 20 процентов Украины и большую часть Донбасса, основные промышленные и сельскохозяйственные районы и полосу земли вдоль Чёрного моря. Это означает победу России, несмотря на все неудачи, которые она потерпела вначале, а роль НАТО не будет столь решающей, как раньше.

2. Если Россию попытаются «выгнать» с территории, которую она получила до начала военной операции, в том числе из Крыма, то встанет вопрос о войне с самой Россией.

3. Если Украина сможет удержать Россию от каких-либо военных завоеваний, а линию фронта отодвинут к государственным границам по состоянию на 24 февраля, это означает проигрыш РФ. В этом случае Украина будет перевооружена и тесно связана с НАТО либо даже станет частью альянса, а все остальные вопросы решатся посредством переговоров.

Взгляд социолога на ситуацию представил генеральный директор ВЦИОМ Валерий Фёдоров. Исследователи, по его заявлению, фиксируют, что парадигма восприятия мира, характерная для последних нескольких десятилетий – прогресс, обогащение, развитие, уверенность в завтрашнем дне, сменилась на другую, во многом противоположную: неуверенность, хрупкость, опасность, непредсказуемость.

Таким образом, перед нами мировой кризис, который углубляется и займёт, вероятно, не годы, а десятилетия. Мы живём внутри большого переходного процесса, который будет долгим и мучительным. Как Первая мировая война не была трагической случайностью, так и войны XXI века органичны и неизбежны в рамках кризиса устаревшей и агонизирующей мировой системы. Это надолго – вне зависимости от доброй / злой воли сторон и хода боевых действий на Украине.

Ну, ответ на второй сакральный вопрос, надеюсь, понятен. Про время завершения СВО не говорил по завершении 2023 года *никто*, включая президента России В. Путина и президента США Д. Байдена. Военный конфликт Россия – Украина вышел за пределы интересов отдельных личностей и не демонстрировал признаки ослабления. С диалектической точки зрения он не мог быть и в принципе элиминирован в обозримой перспективе нескольких месяцев или даже лет. Как писал тот же К. Райт, ни один из методов противостояния не обязательно его завершает. Даже полное поражение в войне не гарантирует устранение причин конфликта, и через некоторое время побеждённые могут возродить и возобновить активное противоборство. В физических конфликтах, когда все стороны, кроме одной, полностью уничтожены, победа может быть абсолютной. Но если конфликт касается идей, политики, претензий, слова «окончательный», «принятие» и «все» нужно воспринимать относительно. Отклонённые идеи, политика или претензии могут быть представлены повторно.

По-настоящему конфликт разрешается путём принятия решения всеми участниками. Заинтересованными сторонами являются не только непосредственные субъекты спора. В современной ситуации широко распространённой взаимозависимости и общей уязвимости к военным и пропагандистским атакам решения могут не сработать, если не будут приняты многими государствами и группами в дополнение к формальным сторонам конфликта.

В принципе же события двадцатых годов третьего тысячелетия человеческой истории могут трактоваться как революция и цивилизационный лифт для перехода к новым социальным и политическим условиям для продолжения развития. Эти условия будут заключаться в трансформации общества по таким ключевым направлениям, как изменение мирового баланса сил, создание многополярного межгосударственного устройства, развитие новых принципов международной этики.

2023

Как жить и во что верить?

1.

ПРОФЕССОР МЕДИНСКИЙ, ПИСАТЕЛЬ ГРИБОЕДОВ И «ТЕНЬ НАПОЛЕОНА»

Вспомним современный народный фольклор, исполняемый как профессиональными артистами на сцене, так и самодеятельными бардами в электричках. «Историческая песня» повествует о правителях России, СССР, потом опять России в диапазоне от Николая Второго до Владимира Путина. У каждого куплета оптимистическое начало и пессимистичный конец. Ну, примерно, так:

Царь Николашка, самодержец всей Руси,
Хотя на морду он не очень был красив,
При нём водились караси,
При нём плодились пороси,
И, в общем, было чего выпить-закусить.
Но в феврале его маненечко того,
И тут всю правду мы узнали про него:
Что он рабочих не любил,
Что он евреев изводил
И что не видел дальше носа своего...

Потом «Иосиф был народный наш отец», потом «Хрущёв Никита, хоть и ростом был с аршин, но дел великих он немало совершил» и так далее. В каждом случае наступало «маненечко того», после чего «всю правду узнавали про него». Что, не так, что ли? Так! Дурят нашего брата! Я же писал в предыдущих главах про главный конспирологический миф о том, что *настоящую* историю от нас скрывают. И как теперь жить дальше, во что верить? Где настоящая правда?

1 сентября 2023 года в школах появились новые учебники истории в четырёх томах: «История России» и «Всеобщая история» для 10-х и 11-х классов. Их редакторами выступили академики РАН Александр Чубарьян и Анатолий Торкунов, а также помощник президента России доктор исторических наук, профессор Владимир Мединский. Поскольку последний отвечал за историческую политику в стране в целом и являлся главой Российского военно-исторического общества, то застрельщиком и двигателем проекта был именно он. На учебники и лично на Владимира Ростиславовича обрушилась волна критики, связанная со следующим. После распада Советского Союза в школах «гуляло» множество разномастных учебников истории. Исповедующие разные взгляды учителя могли выбирать, какие события сложного прошлого России осветить, а какие пропустить, каким уделить большее внимание, а каким – меньше. И что же теперь? Власти хотят опять причесать всех под одну гребёнку? А может, намереваются создать новый вариант сталинского «Краткого курса истории ВКП(б)»?

В. Мединского я знаю с 1992 года, когда случилось знаковое для нашей сферы событие – первый в стране PR-выпуск факультета международной журналистики Московского государственного института международных отношений (МГИМО) МИД России. Многие годы мы общались довольно тесно, я даже был «вице» Владимира в период его президентства в Российской ассоциации по связям с общественностью в 2000-х. Моя супруга Светлана работала у В. Мединского пресс-секретарём во время депутатства в Госдуме, и вместе с ней мы были глубоко в курсе работы ещё над первым книжным «сериалом» историка – «Мифы о России». Тогда же выслушивали и реагировали на первую критику, защищая автора. Хотя защищать было, во-первых, не от чего; во-вторых – бессмысленно; в-третьих – он в этом не нуждался. Почему? Потому что у него «всё правда»? Нет, дело совсем не в этом. А в чём, я отвечу ближе к концу главы. Теперь же давайте по порядку.

Переместимся в Золотой литературный век и обратимся к Александру Грибоедову и его столь же «золотому» «Горю от ума». В светском обществе обсуждают поведение вольнодумца Чацкого. Почему нормальный ранее молодой человек с вроде бы приличной *историей* («Татьяна Юрьевна рассказывала что-то, из Петербурга воротясь, с министрами про вашу связь») сбивается с правильного пути?

В поисках ответа на занятный вопрос рождается *история*, объясняющая:

... Хлёстова:

– На свете дивные бывают приключения!
В его лета с ума спрыгнул!
Чай пил не по летам.

Княгиня:

– О! верно...

Графиня внучка:

– Без сомненья.

Хлёстова:

– Шампанское стаканами тянул.

Наталья Дмитриевна:

– Бутылками-с, и пребольшими.

Загорецкий (с жаром):

– Нет-с, бочками сороковыми...

История про пьянство как причину вольнодумия почти сложилась, но не всем подошла. Её конструирование прерывает влиятельный Фамусов своей поистине исторической фразой:

– Ну вот! Великая беда, что выпьет лишнее мужчина!

Ученье – вот чума, учёность – вот причина,

Что нынче пуще, чем когда,

Безумных развелось людей, и дел, и мнений...

В итоге обществом принимается история «безумия» не от пьянства, а от «учёности».

Приступим к обобщениям. Где тут правда, а где ложь? Так нет ни правды, ни лжи! *Мнение* не может быть ни правдивым, ни ложным; оно лишь основывается на правдоподобных или лживых *фактах*. Но факты в данном случае никто из героев не приводит. Таким образом, возникает основанный на мнениях *миф*, который никто и не называет правдой или ложью. Сказка – она и есть сказка.

Но метод конструирования *смыслов* обнаруживается весьма интересный и сверхпопулярный. Перейдём на сто с лишним лет вперёд и вспомним нашего, так сказать, нобелевского лауреата, «открывшего глаза», резавшего «правду-матку» и проч. Я про Александра Солженицына. Итак.

Историю Александр Исаевич написал страшную. На чём основывался? На источниках! Каких? Личных: «один врач», «один офицер», «полуграмотный печник», «мужик с шестью детьми», «молодой узбек». А также безличных: «вот говорят», «есть молва», «если верить рассказам». О чём же? Да об этом об самом: «был глухой слух, что 150 человек сожгли», или «один сапожник рассказал, как 300 человек чекисты заморозили», или «один чувашенок болтал, что 900 человек расстреляли». Или как питерские чекисты имели обыкновение осуждённых не расстреливать, а живьём скармливать зверям в зоопарках.

Стоит ли разбираться в том, есть ли здесь правда? Зачем? Ведь с Грибоедовым разбираться не приходится в голову. Тем более что и сам нобелевский лауреат оговаривался: «Я не знаю, правда это или навет».

Хотя с «бочками сороковыми» в «Горе от ума» при желании можно было бы и разобраться, поскольку многовато будет для одного человека. Но Александр Сергеевич со своими бочками и пре-большими стаканами на историческую правду не претендовал. Но Александр Исаевич претендует! И попадает в коварную цифровую ловушку, когда в художественно-историческом исследовании «Архипелаг Гулаг» приводит число жертв большевистского режима с 1917 по 1959 год: 66,7 миллиона человек. И это «без военных потерь, только от террористического уничтожения, подавлений, голода, повышенной смертности в лагерях и включая дефицит от пониженной рождаемости» (без учёта «дефицита» – 55 миллионов).

Откуда сия цифра? Как и прежде, «ребята сказывали», а в данном случае «сказатель» был всего один – учёный-эмигрант Иван Курганов (первоначально Кошкин) со своей статьёй 1964 года в журнале «Новое русское слово», издающемся за рубежом. И надо же – Солженицын опять делает оговорку: «Мы, конечно, не ручаемся за цифры профессора Курганова, но не имеем официальных».

А каково число жертв режима с военными потерями во Второй мировой войне? По Курганову-Кошкину, это ещё 44 миллиона... Всего получается 110 миллионов, то есть больше половины населения СССР по состоянию на 1959 год. Про эти запредельно огромные миллионы «народ не знал». Но Александр Исаевич «открыл правду» и описал её в своём «Архипелаге».

Хочу ли я здесь разоблачить уважаемого многими писателя? Нет, не хочу. Моя цель заключается в том, чтобы показать, как в принципе пишется *история*. А пишется она всегда субъективно, в интересах некоторых влиятельных групп. В чьих интересах писал историю нашей страны Солженицын, читатель, я думаю, разберётся самостоятельно.

Вернёмся к коварным цифрам. В ряде случаев они носят почти безусловный характер. И при этом очень невыгодный для одной из заинтересованных сторон. В преддверии грядущего 80-летия Победы проиллюстрируем данную проблему на примере оценки некоторых событий той войны.

Жили-были... хочется сказать «три друга», но не получается: советские асы и трижды Герои Советского Союза Иван Кожедуб и Александр Покрышкин были врагами немецкого коллеги по воздушным боям Эриха Хартмана по кличке «Буби», любимчика Гитлера.

Но вот ведь незадача: brave Ваня и Саша сбили, соответственно, по официально зафиксированным данным, 59 и 62 самолёта противника, а Буби... 352. Какую ж историю написать – чтобы в *нашу*

пользу? Проблема есть – и серьёзная. За её решение берётся тогдашний (в момент написания книги «Война. Мифы СССР. 1939–1945») депутат Государственной Думы России, а далее министр культуры страны Владимир Мединский.

Сначала автор проходит, что называется, по поверхности: у нас так считали, а у них эдак; тут недоучли, а там приплюсовали и т. д. Но всё равно результаты не сходятся, тем более что «хартманов»-то в непривлекательной для нас истории значилось изрядно. Тогда Мединский начинает «копать» глубже, по стратегическим направлениям. И появляются выводы:

«...Для немцев главным была расчистка неба перед бомбардировщиками и свободная одиночная охота. Оба направления в тактике люфтваффе делали из лётчиков настоящих хищников: нападать на слабых, отставших, раненых, – и, по возможности, уклоняться от сильного соперника. Создавались элитные подразделения, лётчиков для которых подбирали по всей Германии. Они специально готовились к свободной воздушной охоте. Немецкие асы сами решали, стоит ли им нападать – или противник слишком силён. Решив, заходили со стороны солнца, совершали стремительную атаку и скрывались, не ввязываясь в бой. В этом не было трусости. Просто таковы были правила...»

А какие правила войны в воздухе существовали у нас?

«...Советские истребители были привязаны к наземным объектам или воздушным соединениям, которые они охраняли... Перед нашими истребителями командование всегда ставило две главные задачи – прикрытие войск на земле и ударных авиагрупп в небе...»

Таким образом, вопрос о том, чьё боевое мастерство «круче» – Ивана Кожедуба, Александра Покрышкина или Эриха Хартмана, – получал не математическую, а скорее гуманитарную оценку: наши как минимум не слабее.

Книжный проект В. Мединского «Мифы о России» был в принципе ориентирован на опровержение устоявшихся исторических штампов о нашей стране. Что это за мифы? Они обозначаются прямо в названиях книг: «О русском пьянстве, лени, дорогах и дураках», «О русском рабстве, грязи и “тюрьме народов”» и других.

В очередной раз зададим сакральный вопрос: «откуда дровишки» (информация) у доктора исторических наук Мединского? Как всегда – из достоверных источников. По возможности доступа к ним Александр Исаевич «отдыхает» по сравнению с Владимиром Ростиславовичем. Ещё бы: наступило время Интернета, открылись информационные мегамассивы в никогда доселе невиданных масштабах. Необходимость прямого обмана отпала полностью, поскольку для обоснования любого тезиса, до противоположного включительно, сегодня легко подбирается достоверный источник. Объективен ли В. Мединский? А это как посмотреть. В чьих интересах он пишет? В интересах нашей страны.

Обозначу и ещё один нюанс. «Живая память поколений» (их в подавляющем большинстве случаев три – отец, дед, прадед) естественным порядком исчезает и заменяется мифами. Вспомним очередной исторический эпизод. Российская империя отмечала 100-летие Отечественной войны 1812 года. Накануне царь дал губернаторам команду искать по всей стране свидетелей войны, чтобы пригласить их потом на юбилейные торжества. И они, естественно – приказ-то отдан, нашлись! К августу 1912 года выявили 25 очевидцев нашествия Наполеона, в том числе 14 участников боевых действий. Пятерых долгожителей ко дню торжеств доставили на Бородинское поле, запечатлели на фотографиях и даже киноплёнке.

Московский губернатор Владимир Джунковский вспоминал об одном из ветеранов (ему приписывалось, по разным источникам, то ли 122, то ли 133 года): «Аким Бентенюк... был самым разговорчивым, он рассказывал про своё участие в бою, как он был ранен, и даже указывал на кустик, за которым его “шарахнуло”. Когда он это рассказывал Государю, тот не мог сдерживать улыбки». Царь и вправду умилился и позже записал в дневник: «Подумай только, говорить с человеком, который всё помнит и рассказывает великие подробности боя!»

Откликом на эти события стал фельетон Александра Куприна «Тень Наполеона» с «замечательным стариком» и его рассказом о встрече с французским императором: «Какой он был, Наполеон-тот? А вот какой он был: ростом вот с эту берёзу, а бородаща – по самые колени и страх какая густая, а в руках у него был топор огромнейший... Одно слово – ампирагырь!»

А вдруг ветераны кампании 1812 года на торжествах к её столетию настоящие? Всё может быть, да вот незадача: число лет, прожитых любым из них, превосходило возраст документально известных к тому времени мужчин-долгожителей.

Но случай этот я привёл так, для разрядки перед серьёзными обобщениями. Перейдём к ним.

2.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ, ФАКТЫ И СМЫСЛЫ

«История» в качестве научного понятия трактуется нейтрально, как процесс развития природы и человечества. Столь же нейтральна и неконфликтна в своём определении «историческая наука», понимаемая как отрасль, система познания и источниковедение. Однако в случае с понятием «историческая память», или «коммеморация» (от фр. *Commemorative* – памятный, мемориальный и англ. *commemoration* – ознаменование, в память), имеет место другая трактовка. Коммеморация – это постоянно обновляемая «памятная» реальность, идеальная для конкретного времени и субъектов, столь же подлинная и значимая, как реальность событийная. Но речь идёт об актуализации лишь тех сторон прошлого, что имеют ценность в сегодняшней действительности.

Получается, что если историческая наука – это сфера исследования и накопления знаний о человеке и его деятельности, то *коммеморация* – практика выборочного изложения исторических знаний в определённых интересах, то есть даже не столько историческая память, сколько политика памяти.

Формирование исторической памяти – непрерывный процесс, в котором всякое общество или его группа формируют свою идентичность посредством реконструкции собственного прошлого. Оно не просто фиксируется настоящим, а открывается им заново, моделируется в зависимости от обстоятельств современности. Иными словами, «история памяти» принципиально отличается от «истории фактов», поскольку анализирует не собственно явления прошлой жизни, а их значения в текущий период.

Таким образом, феномен коммеморации заключается в том, что история в своём нейтральном значении присутствует лишь в виде абстрактного понятия; а в конкретной действительности она интерпретируется через историческую политику памяти. Происходит постоянная конкуренция между сообществами и государствами за доминирующее позиционирование «своей» памяти, влияющей на сознание и поведение целевых групп. Каждый субъект данного процесса продвигает смысловую историческую модель, отличную от простого перечисления известных ранее или вновь открытых фактов. И конструирует для потребителей желаемую историческую реальность в виде ориентации в настоящем, осмысления прошлого и прогнозирования будущего.

Даже сам отбор фактов для смыслового позиционирования ставится в зависимость от политической и экономической ситуации в той или иной стране и предполагает наличие у производителя контента позиции, транслируемой в дальнейшем в медийном поле. Скажем, для большинства граждан США очевидно, что именно их страна победила во Второй мировой войне; для современной Украины – её «первородство» в становлении древнего российского государства. Объекты, мешающие «правильному» восприятию, – памятники, книги, названия улиц, городов и даже потребительских продуктов – удаляются из физического и информационного поля.

Подведём итог. «Настоящей» истории никогда не было, нет и не будет. Или по-другому: она настоящая всегда. И всегда её «скрывают».

А теперь о фактах. С этим ещё сложнее. В конце XIX века Эмиль Дюркгейм, французский учёный и один из основоположников современной социологии, в труде «Метод социологии» писал: «Человек не может жить среди явлений, не составляя себе о них идей, которыми он руководствуется в своём поведении. Но так как эти смысловые понятия ближе и понятнее нам, чем реальности, которым они соответствуют, то мы склонны заменять ими последние». Наука о реальности, по мнению исследователя, подменяется анализом понятий, а к фактам обращаются для того, чтобы подтвердить эти понятия или сделанные из них выводы. «Факты в этом случае являются чем-то второстепенным; они служат примерами или подтверждающими доказательствами, а не предметом науки», – констатирует Э. Дюркгейм.

В условиях интернетизации и медиатизации общества в XXI веке данные явления, существовавшие всегда, приобрели глобальный характер и закрепились терминологически в виде понятий «пост-правда», «постреальность» и «постфактуальная информационная политика». Кратко это выглядит так: «Факты – ничто, смыслы – всё».

Но как же быть с объективной и независимой журналистикой? Она что, больше не существует? Разве корреспондент СМИ не может приехать на пожар, или на художественную выставку, или на избирательный участок, или в зону боевых действий и просто описать то, что он увидел? В частности, может, но вообще...

Во-первых, и сам корреспондент, и представляемое им медиа могут быть и являются субъектами, заинтересованными в подаче информации тем или иным образом. Во-вторых, построение фактов в определённой последовательности само по себе приводит к программируемым смыслам. В-третьих, положения о допустимости интерпретации фактов можно найти и в самих медийных правилах.

Например, в редакционном стандарте «Reuters», одного из самых известных и уважаемых информационных агентств мира, зафиксировано, что объективность не всегда сводится к предоставлению равного пространства всем сторонам. «Исполнитель злодеяния или лидер маргинальной политической группы, возможно, заслуживают меньшего внимания, чем жертвы или основные политические силы». При этом критерии, по которым некоторый субъект будет отнесён к «злодеям» или «лидерам», остаются за рамками стандарта.

Но оставим на время эти изыски и согласимся: да, есть масса случаев, когда медиа транслируют «всю правду». Но тут включается другая ловушка – механизм восприятия этой правды. О нём ещё в 1922 году рассказал в книге «Общественное мнение» Уолтер Липпман, американский журналист и учёный. Наше восприятие определяет *стереотип* – заранее сформированная мыслительная оценка чего-либо, через которую человек воспринимает мир и далее совершает поступки; социальная установка с недостатком интеллектуального компонента, базирующаяся на нехватке знаний, ложной информации или неполных данных. «Нам рассказывают о мире до того, как мы его видим, – писал У. Липпман. – Мы получаем представление о большинстве вещей до того, как непосредственно сталкиваемся с ними... Вымышленные символы накладываются на реальность».

Другими словами, человек пропускает даже самые очевидные факты через «сито» сложившихся в его сознании стереотипов и может сделать выводы, противоположные первоначальному авторскому замыслу.

И опять к примерам из личного опыта. В 2023 году мне пришлось много работать с китайскими студентами и бизнесменами. Я значительно прирастил свои знания о Китае и, кроме того, получил отличный кейс на тему о том, что текущие факты вообще не обязательны для демонстрации требуемого смысла. Поскольку можно «притянуть за уши» любые другие из подходящего исторического периода.

Так, осенью 2023 года в Китае проводились XIX Азиатские игры – комплексные спортивные соревнования среди спортсменов Азиатского континента. В числе тысяч репортажных фотографий с игр на китайских ресурсах появилось фото двух обнимающихся спортсменов, победивших в забеге на дорожках под номерами «6» и «4», – такие номера присутствовали и на спортивной форме. Вскоре некоторые ресурсы КНР удалили эту фотографию или опубликовали её без номеров; другие порталы оставили фото без изменений.

Этого прецедента стало достаточно, чтобы раскрутить информационную кампанию вокруг китайской цензуры в частности и против преследующего инакомыслие режима в целом. Вышел сюжет американского телеканала CNN со сравнительно безобидным названием «China censored this photo of two athletes». Однако в материале описываются не Азиатские игры – 2023, а события 4 июня 1989 года на пекинской площади Тяньаньмэнь, связанные с выступлением оппозиции и её подавлением: цифра «64» служит в Китае символом этих событий. Действия китайских властей характеризовались как «резня» («massacre») и «кровавый разгон» («bloody crackdown») китайскими танками протеста за демократию. Оппозиция же именовалась «студенческой акцией с проявлениями инакомыслия». Более глубокого анализа, где могли бы использоваться документально зафиксированные факты массовых экстремистских действий оппозиции, не приводилось.

Акцию CNN по представлению Китая как жестокого тоталитарного государства, терроризирующего собственных граждан, продолжили появившиеся в тот же период и аналогично выстроенные с помощью связки «Игры – фото с цифрой 64 – площадь Тяньаньмэнь» публикации ведущих американских и британских СМИ: «The Morning News», «BBC», «The Guardian», «The Asian affairs» и др.

Почему так? Да потому, что Китай в условиях мирового противостояния третьего десятилетия XXI века – враг США и коллективного Запада («плохой», «авторитарный», «тоталитарный» и пр.), и КНР нужно показывать именно в таком качестве, и никак иначе.

Ну и что делать в так сложно описанной ситуации – не с Китаем, а в информационном поле в целом? Уточним вопрос: кому «что делать»? Обычному гражданину? Да в общем-то ничего, поскольку гражданин «попал»...

А вот поле деятельности PR-специалиста более понятно. От абстрактных, очень привлекательных в теории, но лицемерных и неработающих в действительности установок типа «истина посередине», «следует выслушать все стороны», «следует придерживаться общечеловеческих ценностей» нужно переходить к более конкретному. Разумеется, к объективному и фактически подкреплённому:

- мы отстаиваем благородное дело и не желаем войны, а полную ответственность за её развязывание несёт противник («враг»);
- враг сознательно зверствует и применяет несанкционированное оружие, а мы если и ошибаемся, то невольно;
- наше дело и лидеры святы, сомневающиеся в этом – предатели, главари противоположного лагеря – дьяволы и т. д.

Я говорю что-то новенькое? Да нет, это старо как мир.

«Пора вам решить вопрос: с кем вы, “мастера культуры”?» – написал Максим Горький в 1932 году, обращаясь к коллегам. И сегодня то же самое: надо определяться с собственной позицией, и тогда все теоретические дебри сразу станут понятнее: и «мастеру», и его поклонникам.

* * *

С Владимиром Мединским я встречался и в 2023-м. Мы говорили о политике, литературе и, конечно, об истории. Помощник президента сказал, что выступает за объективную историю, а что такое «коммеморация» – не знает. Потом поделился ощущениями от процесса создания новых учебников:

– Вот пишем о депортации народов Кавказа в период Великой Отечественной войны. Раньше было как: народы виноваты. Потом по-другому: народы не виноваты, они – жертвы сталинских репрессий. Отсюда родилась наша версия: да, народы не виноваты, но отдельные их представители сотрудничали с фашистами. И тут появляются возмущённые общественники: «Как это понимать? Значит, мы фашисты? Надо снять эту позицию!» Вот вам и объективность...

Damavand

Первая часть «Записок» заканчивается тем, что я еду на слоне. В поисках тигра. Но смысл там не в том, чтобы ехать, а чтобы идти. Вверх. Через семнадцать лет я опять иду. Вернее, опять лезу. В Иране, на спящий вулкан Damavand (Демавенд) – самый высокий в Азии, 5610 метров. Он расположен в горном массиве с названием так похожим на «Эльбрус», что их даже путают. Но оно другое – «Эльбурс».

* * *

Персия, Персия, Персия, Персия!
Здравствуй сегодня, здравствуй всегда!
Здравствуй, кто угодно, подходи сюда!

Эта песня со старой пластинки российских бардов «Али-баба и 40 разбойников» сопровождала меня всё путешествие.

Персидские шали, расписные ковры!
Здесь нету трали-вали, здесь женщин не видали,
Потому что чёрные чадры!

Про знаменитые ковры правда, про женщин – нет. Чадры обязательны только в мечети, но платки – везде.

У нас с Анатолием Рябовым нет задачи глубоко знакомиться с Тегераном, а есть цель восхождения на Демавенд. Но раз уж мы здесь... вот кое-что.

В Тегеране, огромном, почти 10-миллионном городе нет того, что мы привыкли называть – будь то Россия или страны Европы – «прогулочным центром». Город вообще труден для ориентирования. Навигатор запутывает. Но ведь можно спросить или заказать маршрут таксисту, так? Если бы! На каком языке вы будете спрашивать? На фарси, в котором нет узнаваемых для нас слов? На английском или русском? Но этими языками в Иране практически никто не владеет.

Звоню в Москву, в компанию «7 вершин», занимавшуюся нашей поездкой: «Ребята, дайте человечка!» И – о чудо! – человек не замедлил появиться: «Разрешите представиться. Меня зовут Марьям Шафаги. Я доцент кафедры русского языка Университета им. Алламе Табатабаи». Мир, как всегда, оказался тесен. Милая и владеющая русским языком дама Марьям бывала в моём московском Инязе и даже переводила на фарси произведения К. Чуковского, В. Распутина, А. Вампилова, Л. Улицкой. Она буквально «спасла» нас от тегеранской территориальной и языковой путаницы.

Но «гуляльные зоны» в городе, конечно, есть, например авангардный мост Табиан вместе с соединяемыми им двумя большими парками. Дворцовый комплекс Голестан – многовековая резиденция иранских шахов; место, где не побывать никак нельзя. Искусственное озеро Читгар, в котором... нельзя купаться. Но вообще прикиньте: на дворе июль, температура «за бортом» отельского номера – плюс сорок. То есть особо не нагуляешься.

Можно использовать нестандартный вариант охлаждения – спуститься в «подземку». Тегеранское метро очень интересно и гораздо симпатичнее, чем в Европе. Вот станция Tajrish – самая глубокая: 51 метр под землю, четыре каскада эскалаторов и лестниц. Внутри – торговля, туалеты и даже мечети. На платформе посмотрел направо – почти одни мужчины, налево – только женщины. Дело в том, что последние два вагона предназначены для женщин. Однако женщина, особенно если она вместе с мужчиной, может сесть и в другие вагоны.

А после метро можно и на знаменитый персидский базар. Да, зрелище величественное. Базары огромны и колоритны. Но купить там москвичу особо нечего, поскольку подавляющая часть товаров – местный, китайский и другой азиатский ширпотреб. За тем, что называется «аутентичными сувенирами», нужно идти в другие места и магазины.

Телебашня Vorje Milad (Рождение) достигает высоты 435 метров, она шестая в мире по высотности. Здесь прохладно и занимательно. На 303-м метре – огромное круговое панно Phoenix's nest – гнездо Феникса, созданное по мотивам древнеиранского эпоса. В музее восковых фигур – деятели иранской политики и культуры. Среди давних знакомых оказался поэт, автор эпической поэмы «Шахнаме» Фирдоуси.

Но самое интересное, конечно, – не достопримечательности, а настроения людей. Первое. Это нам санкции в новинку. А Иран десятилетиями живёт в условиях санкций. И что? Такое ощущение, что люди просто «забили» на это дело. Никаких сожалений, живут своей жизнью, и всё.

Второе. Отношение к России. Вроде бы мы теперь друзья, да? Но не так всё просто. Я хотел было посетить место проведения Тегеранской конференции 1943 года (а это территория советского, теперь российского посольства) – как-никак исполнялось 80 лет событию, но ни доступа к «артефактам», ни упоминания о юбилее нет. И понятно почему: в ходе операции «Согласие» 1941 года советские войска вместе с британскими оккупировали «нейтральный» Иран. А в 2000-е Россия и к западным санкциями присоединилась. Так что путь к дружбе предстоит не слишком короткий. Хотя и враждебного отношения к нам не наблюдается: ну, люди и люди, не американцы же, в конце концов.

* * *

Но я увлёкся. Мы приехали сюда ради покорения Демавенда. «Любит Аллах в белых чалмах все вершины в горах...» В Иране восхождения популярны, в Тегеране есть даже памятник альпинисту. Переезжаем на простенькую базу Национальной федерации альпинизма в посёлке Полур и с гидом, симпатичной и англоговорящей девушкой по имени Вауан, начинаем изучать маршрут на гору.

8 июля пошли. Точнее, поехали, по крутому горному серпантину, до высоты 3050 метров. Выжженное солнцем пространство, жуткая пылица пробивается в каждую щель старенького джипа. Покрытые этой пылью, мы прибываем в лагерь Гусфанд Сара. Здесь последняя мечеть на пути к вершине. Упаковываем тяжёлые рюкзаки в полиэтиленовые мешки и грузим их на мулов, а сами, с лёгкими рюкзаками, идём вверх пешком. Надо набрать около 1200 метров высоты. Но подъём нетрудный и очень живописный. Вокруг нас цветущие маки. Они распускаются с мая, а сейчас, говорят, последняя неделя цветения. Где-то после 3500 метров маков уже нет.

Приют Баргах Севом (4200 м) – это каменный дом, построенный Федерацией альпинизма Ирана на спонсорские деньги одного из банков. Рядом – палаточный лагерь. Сюда доходят мулы с рюкзаками. Выше идёт только самое стойкое животное – человек. Пара слов о быте. А что, нормальный быт! Комнатка на четыре человека с двухъярусными кроватями. VIP! Я не шучу. Поскольку есть на приюте «казармы» и на 40 восходителей. Кухня с газом, столы и стулья для трапезы, оборудованный туалет в 50 метрах от здания. Годится!

Вот ещё какая интересная штукавина. Присутствие в обычной городской или сельской среде Ирана двух мужчин и двух незамужних женщин (у нас это гид и повар) в одной комнате – вещь абсолютно невозможная. А здесь, на приюте, – да сколько хотите. И никаких скрывающих волосы платков на головах немногочисленных горвосходительниц. Если же кто-то надумает сделать намаз, то расстилает свой коврик прямо в «казарме». А коли другой в это время заводит газовую горелку – ничего страшного. Горная демократия, одним словом.

Девушки. Надо особо сказать о наших девушках, вернее, молодых женщинах (не подумайте, любимые жёны, чего такого – только спорт). «Жили у бабуся два весёлых гуся: один Вауан (гид), другой Магjon (шеф-повар) – два весёлых гуся». Вауан сопровождала нас на горе, а Магjon откармливала вкусной едой.

9 июля проводим акклиматизационное восхождение метров на 300–400 вверх. Тяжеловато, одышка. Возвращаемся, без аппетита, с неохотой запикиваем в себя какую-то еду и ложимся на койки.

* * *

10 июля стартуем на восхождение в четыре утра. Светает, температура около нуля. Шесть часов подъёма через осыпи, скальные гребни, снежники. И вот выходим на дымящийся купол жёлтого цвета (серный холм Дуд Кух) – вулкан «дышит», выпускает фумарольные дымы с запахом сероводорода. Вдыхать его нежелательно. Мы сдвигаем свои бафы (универсальный тканевый шарф-труба) на лица, стремимся быстрее преодолеть вредные участки, потом садимся отдыхать прямо на серное покрытие. Кстати сказать, мои «боевые» штаны после этого не приняла в работу ни одна химчистка.

После 5000 метров дыхательный процесс имеет свои особенности: гипоксия, понимаешь. Но мы уже где-то на 5300–5400, вершина видна. Остается пройти 200–300 метров по высоте.

Но есть такое там, и этим путь хорош,
Чего в других местах не купишь, не найдёшь...

Около часа дня. Вершина 5610 метров. Нас трое: я, Толя Рябов и наша отважная гидесса Вауан Науаб. Выше – уже ничего и никого. Разворачиваем полотнище Международного пресс-клуба. В предыдущие годы флаг побывал и на других вершинах России и мира: Эльбрус (Европа, Россия); Монблан (Европа, Италия – Франция); Арарат (Азия, Турция); Килиманджаро (Африка, Танзания), ну и вершины Непала, само собой.

Мы с Толей вообще-то ребята возрастные, и рядом на вершине других таких нет и близко. Местные восходители (иностранцев в Иране вообще мало) удивлённо спрашивают у Вауан: мол, что это за мужики? Та отвечает: «Русские». Удивление меняется на понимающую улыбку: «А-а-а!» Слова «русские» и «Россия» в Иране произносят без всяких иных транскрипций, никаких тебе «рашен» и «раша».

Обнимаемся, фоткаемся, спускаемся. В Тегеране прощание и победная ягодка на торте с горой, маками, красивой и вкусной надписью Damavand.

Прощайте вы, прощайте,
Писать не обещайте,
Но обещайте помнить и не гасить костры.
До послевосхождения, до будущей горы!

Обязательно.